

Рисунки М. Спеховой

МАРИНА МОСКВИНА

Семь
Летучих
Пассажиров

#ШКОЛЬНОПРИКОЛЬНО

«МАСТЫД»

ГОЛОВА ПРОФЕССОРА ШИШКИНА

Нет на свете, скажу вам, человека серьёзнее моего папы. Даже среди родственников по его линии. Хотя в нашем роду люди наисерьёзнейшие, кроме дедушкиного брата — дядя Вани из Витебска. Этот наш дядя Ваня, во-первых, единственный блондин. А во-вторых, он всегда был с причудами и любил надевать на голову капроновый чулок.

В этом смысле у папы с нашим дядей Ваней — ничего общего. Папе не то что в зрелом возрасте, в детстве такое бы в голову не пришло. Достаточно взглянуть на его детскую фотографию: стоит на стуле, в коротеньких штанах, майке, пухленький такой, а лицо — настоящего взрослого человека.

Раз только в день своего совершеннолетия папа поступил легкомысленно. Он упросил старушку — соседку по их коммунальной квартире — сделать ему брюки-клёш. В новой тельняшке и в таких вот брюках с клиньями из другого материала папа куда-то ушёл и на свой день рождения не явился.

Напрасно ожидали папу бабушка, дедушка и друг дедушки Кошкин, который, зная, что папу беспокоят исключительно судьбы стран и народов, принёс ему в подарок трёхтомник Карла Маркса.

— К тебе гости пришли! — кричал потом дедушка на папу. — Книжки подарили!..

С этого момента папа до того сосредоточился на общественных науках, что во всё остальное просто не вникал. Спросишь у него:

— Пап! Это что за дерево?

— Не клён.

— Да это ж бузина, — говоришь ему. — Разве ты не знаешь?!

А он не знает и обижается.

Когда мне исполнилось двенадцать лет и мы с папой поехали на море, я так решила: папу не обижать, наоборот, если что — защищать, ведь он у меня такой ранимый.

И вот мы на море! И я кормлю чаек вместо зарядки. А море — гладкое, как

бритва, с острым горизонтом. Ни волн, ни ветров, одни чайки рано утром шумят на берегу.

Но в основном тут штормит, не зря гранитный мол загораживает от моря город. И не всегда волнорезы тёплые и сухие. И ящерицы так бесстрашно замирают на солнышке у самой воды.

Мы сняли комнату на краю города. За нами росли гигантские эвкалипты, чайные кусты и пальмы с узким основанием и таким расширенным кверху стволом, что напоминали морковь.

К морю от нас идти вдоль чугунной ограды санатория «Прибой». Эту ограду, не переставая, всё лето красили два аджарца в пилотках из газет. Чинно сидя на стремянках, они покуривали папиросы, болтали ногами в скособоченных башмаках и вели неторопливую беседу на своём языке.

Всё вокруг они заляпали и забрызгали, но мне нравится стоять возле них и нюхать, как пахнет краской. Я вообще бы пошла учиться на маляра. Там ученики — так написано в объявлении — «обеспечиваются парадной формой»! А?! ПАРАДНАЯ ФОРМА МАЛЯРА?! А крутящиеся на палках щитки — под названием халява?! Малярный каток с узорами! Вёдра красок!.. А полёты в люльке?!

Но папа против.

— Мой тебе совет, — говорит, — шагай по стопам своего отца. А то будешь безалаберной, как наш дядя Ваня: родился в Гомеле, учился в Житомире, живёт в Витебске, восемьдесят лет человеку — ничего в жизни не понимает.

Не знаю, с дядей Ваней у меня было не так уж много встреч, но я его без памяти любила. И именно за то, что дядя Ваня никогда не шагал ни по чьим стопам. В любом деле — чем бы оно потом ни кончилось, дядя Ваня прокладывал собственный необыкновенный путь. И притом — можно говорить с ним о всякой всячине: всё он прекрасно понимает — и в жизни, везде!

Уйдя на пенсию, дядя Ваня научился играть на гитаре. Он поставил задачу — осваивать в год ровно по одному аккорду. Спустя три года дядя Ваня свободно себе аккомпанировал и сделался признанным в Витебске самодеятельным шансонье.

А его коронный номер — голова в чулке?! Никогда не видела ничего чудеснее. И, по правде говоря, мне жалко, что папа, почти прямой дядин Ванин потомок, ничем на него не похож.

Ну и что, я на папу не жалуясь. Он ведь не виноват, что родился серьёзным. Бежит папа утром по улице трусцой, в одних только плавках! А с каким солид-

ным видом! Два аджарца-маляра приподнимают газетные пилотки и почтительно приветствуют его:

— Доброе утро!..

— Здравствуйте, товарищи, — отвечает им папа и скорей, пока жители города не повысыпали из домов, мчится дальше, на море — в этих своих, как я уже говорила, плавках.

Раз в сто лет попадаются такие плавки — с пожеланием! Прямо на трусах мелкими буквами написано: «Счастливой вам носки!»

— До чего доброжелательный народ, — сказал папа, приобретая их в пляжном киоске.

И лето, правда, вышло счастливое. На каждом углу продавали кукурузу!.. Земляные орешки, спелые абрикосы!.. Я с ластами плавала, в маске и с трубкой!.. Я обгорела!.. А папа — ничего. Это потому, что он смуглый.

Я заметила: чем человек чернее, тем он, как правило, упорнее загорает. Рядом, например, со мной и папой загорали двое негров. Муж и жена, из Африки приехали отдыхать. Целыми днями они лежали на лежаках — им даже врач из медпункта сделал в мегафон замечание.

Всё шло прекрасно. Откуда нам было знать, что наша с папой беззаботность висит на волоске.

Однажды к хозяину, у которого мы жили, дяде Георгию, пришёл его друг, культорг из санатория «Прибой». В маленькой, увитой «граммофончиками» беседке за чашкой виноградного сока дядя Георгий открыл другу, что его квартирант по профессии лектор.

Тогда культорг — внушительная фигура, весь в зелёном, один пиджак в лиловых листьях пальм, возник в наших с папой дверях и сказал:

— Валерий Борисович! Попрошу! Прочтите лекцию у нас в «Прибое»!

Назавтра, ближе к вечеру, по городу и по побережью расклеили афиши. В программе обещали:

Доклад «Значение изучения истории для наших дней». Читает В.Б.Шишкин, профессор из Москвы.

Потом шли глаза. Чёрные, жуковые, размером с камбалу. И подпись! «Маг исчезновений! Артист-иллюзионист! Фокусник-манипулятор-имитатор-престижиджитатор Олег Зингер, г. Ялта».

Папа чуть в обморок не упал, когда это увидел. Мы кинулись в «Прибой» и разыскали там культорга.

— Я не профессор, — говорит мой папа. — Я кандидат исторических наук.

Весь в белом, один фиолетовый циферблат на часах, культорг ободряюще обнял папу.

— На не профессора, — сказал он, — у нас не пойдут.

— Но послушайте, — говорит ему папа. — К чему мне дутая репутация?! Я учёный! — Получалось, что папа самозванец. — Это шарлатанство.

— Это реклама, — спокойно возразил культорг. — Моё дело — аншлаг! Ну напиши я: «Шишкин-кандидат». Все явятся ко второму отделению. Сравните: лекция, — он сделал скучное лицо и будто бы уставил нос в шпаргалку, — или... МАГ ИСЧЕЗНОВЕНИЙ?!!

Я знаю папу. Надо очень постараться, чтобы вывести его из себя. Но, видно, здорово его заело, раз он сказал:

— Выходит, искусство оратора здесь ставят ниже... фокусов-покусов?!

Я была тут же, рядом, и меня обуревали противоречивые чувства. Папу обижают, а я не знаю, как его защитить. С одной стороны, как можно сравнивать?! Фокусника и учёного!..

С другой стороны, всю жизнь я сходилась с ума по клоунам, фокусникам, канатоходцам, по всему в этом духе, а главное, по цирковым лошадям. Папа, конечно, против, но я бы хотела, больше, чем маляром, стать конюхом в цирке, ухаживать за лошадьми, вести с ними вместе скитальческую жизнь!..

И хоть я и переживала за папу, предательская мысль шевелилась во мне: «А правда! Какой доклад сможет быть соперником МАГУ ИСЧЕЗНОВЕНИЙ?!»

— Так-так, — сказал папа, глядя на меня, будто бы прочёл мою мысль на расстоянии. — Хорошо! Это мы ещё посмотрим.

В окне над морем вспыхнули и скрестились лучи прожекторов, сияющие, как рапиры.

Вот как произошло, что мой папа погружился в размышления. Он вообще-то молчаливый, а тут и вовсе прекратил говорить. Наутро малярам, своим друзьям-аджарцам, забыл ответить на приветствие.

Он стал рассеянным, нашёл на пляже рыбу и бросил в море, говорит: «Плыви!» А это был копчёный толстолобик.

И что он раньше делал с удовольствием — читал, намазывал бутерброды, лежал на солнце, поднимался в горы, — теперь производилось как-то механически. Брил-ся ли он, кипятил ли на кухне чайник, слонялся в одиночестве или в компании со мной — везде и всюду мог вынуть из кармана клочок бумаги и что-то быстренько взять и записать.

За день до выступления я обнаружила папу в эвкалиптовой аллее. Был сильный туман. В море, чтоб не налететь друг на друга, гудели корабли. Сквозь это гуденье до меня доносилось: «...принципы историз-

ма!..», «...промежуточные звенья!..», «логика развития!..», «социальный прогресс...»

Он репетировал речь, обращаясь к эвкалиптам.

В обед перед «вечером» папа съел банку горошка. Одну, чтобы не наедаться.

— Сытый оратор, — объяснил папа, — вял и невыразителен.

Потом он сказал:

— Надо накопить в себе резерв энергии.

И часок вздремнул. И мы с ним пошли.

Клуб был полон. Публика, шумно топоча босоножками, рассаживалась в красные клеёнчатые кресла. В толпе с отдыхающими «Прибоя» входили знакомые — хозяин дядя Георгий, врач, пляжные волейболисты, сапожник, булочник, продавец кукурузы, в парадной форме маляры, их жёны, сыновья...

Свет потух. Горел один фонарь у сцены. Вокруг него заметалось жуткое подсвеченное существо. Слева на сцене стоял рояль, справа — бок о бок — два огнетушителя, а перед занавесом за столом с графином сидел культорг. Клубный занавес и костюм культорга были сшиты из одного и того же коричневого плюша.

— Валерий Борисович Шишкин! — объявил культорг. — Доклад!

Папа вышел хмурый, окинул взглядом полутёмный зал и вдруг улыбнулся и говорит:

— А давайте включим свет?

Культорг неохотно исчез распорядиться, а папа тем временем убрал стол с графином. А стул культорга пододвинул к роялю.

Тот вернулся и так растерялся, сел, было, за рояль, все засмеялись, и он обиженно оставил сцену.

И вот, когда в зале зажгли все лампы и папа на сцене остался один, он начал свою речь с Парижской коммуны. Как стихи прочитал он (конечно, не по бумажке!) программу французских революционеров.

Голос папы то возвышался, то понижался. Несколько слов он произносил быстро, а когда подходил к самому важному — замедлял свою речь и сильно на это напирал.

— Париж был осаждён, — рассказывал папа. — Но обращения парижских коммунаров сбрасывались над Францией с воздушных шаров!..

Он говорил то приподнято, с вдохновением, то нормально, как со мной. Иногда посреди речи он вдруг останавливался. Но в эти внезапные остановки никто не кашлял, не шаркал ногами, не переговаривался с соседом. Все тихо сидели,